Сборник I.

„ДѢТСКАЯ КНИГА“.

Статьи: А. Богданова, проф. С. Гессена, проф. Э. Диля, Н. Зиневича, П. Замараевой, Е. Петровой, В. Пирусскаго, С. Русакова, И.. Филиппова.

Цѣна 2 руб.

ТОМСК.
Издан. Городской Секціи по Внѣшк. Образов. ко дню „Дѣтской Книги“.

„ДЪСКА"
КНИГА"

О выработкѣ миросозерцанія юнаго читателя.

Нѣт надобности доказывать, что наше время капиталистическаго хозяйства, с его основою в конкуренціи случая и личности,—глубоко хаотично; в полном безпорядкѣ переплетаются многоразличныя пружины жизни, и невооруженному глазу замѣтны только крикливо выдѣляющіяся, случайныя, преходящія, поверхностныя явленія, а корни скрыты. Корни явленій помогли бы нам уразумѣть эту кинематографическую смѣну впечатлѣній, но корни запрятаны глубоко интимно, гдѣ то в нѣдрах. Волей-неволей, сейчас слу шающій не слышит, смотрящій не видит.

И безпомощный наблюдатель нашей современности переживает мучительное состояніе: оно сказалось и в высокой цифрѣ самоубійств молодежи, с прямым указаніем на безсиліе осмыслить и оправдать жизнь, и в роковой моральной неустойчивости нашего общества, которое подлинно не вѣдает, что творит.

Но среди этой сбитой с толку и дряблой массы есть и большія сердца, большіе умы: они не растерялись перед хаосом нашей жизни, а властным рѣзцом вонзились в нее и... осмыслили; пусть каждый по своему, как у Ал. Толстого— семь братьев увидѣли правду со семи сторон кто городом многолюдным, кто горою высокою, кто морем глубоким и синим; но в их воспріятіи жизни—была цѣльность, связаность, единство. Это было их точкой равновѣсія. Потом она могла перемѣститься; автор отказывался от своей первой системы міра, но она была... сослужила ему большую службу—первой опоры, первой отправной позиціи.

И тѣм еще велики эти умы и сердца, что не скрыли они от нас своего міропониманія; дали и нам посмотрѣть с их точки зрѣнія.

Сдѣлали они это через свое творчество. Каждая книга писателя это его построеніе міра, его попытка разъяснить, то что нас глубоко волнует, но чего мы сами, средніе люди, осмыслить не умѣем. Каждая книга это символ вѣры художника, кѣм бы он ни был, реалист ли, скептик ли, все равно. Автор не фотографирует жизнь, а по своему выбирает самое существенное и сочетает его в цѣльную систему.

Можем ли и мы встать на тот же путь? И как встать?—Неужели только читать и поучаться „с похвальной цѣлью себѣ присвоить ум чужой“?

О, нѣт! Наша работа должна быть много глубже и сильнѣе. Но если только признать, что работа по выработкѣ міросозерцанія нужна, больше спасительна, для современнаго средняго человѣка, запутавшегося в клубкѣ жизни, если только признать это,—то не жаль ни сил, ни времени.

А время не терпит. Еще до десяти лѣт человѣк ребенок пытливо смотрит кругом, и как ему хочется уяснить себѣ связь наблюденій; а послѣ десяти лѣт его непрерывные вопросы:—почему? зачѣм?—превращаются прямо в систему. И только преступное равнодушіе взрослаго заставляет его замолчать и броситься в хаос „без руля и без вѣтрил“. Хорошо, если выживет, а если погибнет, или, отчаявшись в своем безсиліи, махнет рукой и опустится?

Да не будет так!—Скорѣе на путь спасенія... Скорѣе к тѣм, кто спасли душу свою, скорѣе *пріобщимся к их работѣ*— созданія перваго крѣпкаго устоя. Пріобщимся, именно пріобщимся, а не воспримем пассивно, как урок. В этом—весь секрет. До тѣх пор, пока книга будет лишь восприниматься пассивно, мы не добьемся ничего. Только потеряем время, которое много полезнѣе было бы отдать на игру или на труд—Сколько читали до сих пор и читали прекрасныя книги и сколько блѣдных мечтателей родило это чтеніе, а сколько людей искренне и глубоко убѣждены, что книга это одно, а жизнь... совсѣм другое, непохожее. При таком чтеніи, оторванном от жизни, лучше дѣйствительно, точать сапоги, чѣм читать Пушкина. Послѣ такого чтенія наш читатель останется с пустыми руками, как и без такого чтенія.

Нѣт, с самых первых лѣт—книга должна *перевоплотиться в нашу жизнь*. Горнфельд в своей книгѣ „О толкованіи худо жественных произведеній“ и Рубакин в своих трудах о чтеніи блестяще доказали, что читатель может сдѣлать ту же работу, что и автор, *стать таким же творцом*, стать автором того, что читает. Автор создает, читатель возсоздает то же самое, что и автор, в своем процессѣ чтенія. Это должно быть то же самое, с той же цѣльностью, с той же живой наглядностью до послѣдних маленьких черточек, с тѣм же полным переживаніем, как было у автора. Такое живое воспріятіе книги, такая активность в чтеніи достигается для дѣтей в созданіи на основѣ прочитанной *книги—игры или работы, разсказа по книгѣ, ея изображенія и иллюстраціи, в обобщеніи ее свободным сочиненіем*. Если книга, исповѣдь автора, будет воспринята так, то, без сомнѣнія, ребенок переживет то же, что и автор, окунется в его богатую душу, закалится его волей. И то, к чему мы стремимся, умѣнье связать и понять свои случайныя наблюденія дастся ему само собой.

Нужнѣе всего нам сейчас два человѣческих начала: уваженіе к личности другого и любовь к труду. Дадим ребенку *полно пережить* прекрасныя книги о человѣкѣ и о трудѣ. Пусть он увлечется строительством дома и пашни, как „Дѣти—работники“ Жеденева, пусть изобразит в своей игрѣ живые образы „Димы и Демы“ Мочульской, пусть попробует пожить так, как жили дѣти в „Бодрой жизни“ Шацкаго, или так, как жили американскіе школьники в разсказѣ „Дядя из Чикаго“—Лори. Сколько тут здороваго веселья, сколько правды, реальнѣйшей правды, в описаніях радости труда—Пусть он вмѣстѣ с романтиками в дѣтской литературѣ увидит глубокія страданія человѣческой личности, увидит, как много значит отношеніе человѣка к человѣку, как можно иногда помочь и как можно погубить; пусть вмѣстѣ с реалистами осознает и добро и зло в человѣкѣ, и пусть вмѣстѣ с неоромантиками послѣдняго времени повѣрит в искупленіе всего зла міра подвигом и красотою (Шмелев—Служители правды).

Но вся работа по созданію міросозерцанія будет безуспѣшной, если мы хоть на миг вернемся к старой школѣ чтенія.

Процесс чтенія должен быть лишь вводной ступенью слѣдующей и главнѣйшей работы по воспріятію творчества автора, говорящаго нам о своем міросозерцаніи. Нужны залы для игр по книгѣ, для выставок иллюстрацій, для литературно научных собраній, нужны картины приборы, нужна новая и одухотворенная работа руководителей и по чтенію, и по выбору книг, и по обслуживанію книги.

Тогда мы поможем молодежи, как говорит Рубакин,—„посредством мыслей чужих создать свои собственныя мысли“, обогатиться опытом лучших людей и, подобно им, войти в жизнь „со своим, хотя и маленьким, стаканом“—со своим первым устойчивым взглядом на жизнь, первыми крѣпкими навыками.

Пусть здравствует человѣк, пусть растет и подымается любимый им труд.

Е. Н. Петрова.

Дѣти и искусство.

Среди всѣх задач, которыя поставлены сознательному и вдумчивому воспитателю подрастающаго поколѣнія, самой важной в конечном итогѣ является задача пробудить в юных душах искру Божью—порыв и стремленіе к отвлеченным цѣнностям, ставшим достояніем всего человѣчества, другими словами—заронить в молодыя души чистый огонь идеализма. Истинно культурным будет вѣдь только тот человѣк, который наряду с прикладными познаніями, облегчающими ему его матеріальную жизнь, будет обладать хоть нѣкоторой долей уваженія к вѣчным цѣнностям, не покупающимся и не продающимся, в котором будет живо сознаніе того, что на нем лежит обязанность не только сохранить то, что до него создало человѣчество, но также и обогатить сокровищницу культуры новыми пріобрѣтеніями.

К этой высокой цѣли воспитанія слѣдует

вести дѣтей путем косвенным уча их замѣчать и сознательно видѣть тѣ красоты, которыя украшают культуру человѣка. Нить мыслей естественно идет от доступнаго глазам и ушам к отвлеченному, от простого восхищенія произведеніями искусства к глубоким мыслям, заложенным в них. Человѣк, воспитанный в постоянном общеніи с твореніями великих художников, будет особенно хорошо подготовлен к тому, чтобы замѣчать и сознательно относиться к отвлеченным мыслям и цѣнностям, не имѣющим прямого отраженія в вещах, нас окружающих. Ввести же человѣка в круг именно этих отвлеченных и общих всему человѣчеству, цѣнностей и является задачей воспитанія, стремящагося к *культурному идеализму*.

Для достиженія высшей ступени духовной культуры памятники искусства являются, таким образом, в нѣкоторой мѣрѣ только средством, а не цѣлью. Но до вершин культуры удается дойти не всѣм, и для многих людей уже подготовительныя ступени, предшествующія наивысшей, являются идеалом, до котораго добраться не всегда легко. И вот тут нам приходят на помощь произведенія искуства.

Они как бы представляют длинную верениу окон и дверей, ведущих нас прямо в самыя привлекательныя области культурных достиженій человѣчества и в ближайшія их окрестности. Как бывают окна, легко отворяющіяся под слабым давленіем дѣтской руки, и тяжелыя врата, открыть которыя может только сильный человѣк, так и творенія великих художников то приводят в восторг и дѣтей, и вообще всякаго, то бывают доступны лишь вполнѣ созрѣвшим людям. В этих же крайних предѣлах существует множество других произведеній, состовляющих постепенный переход от легкаго к трудному.

Произведенія искусства являются таким образом средством, общающим человѣка на всѣх ступенях его развитія с вѣчными идеалами всего человѣчества. Этим средством мы конечно не только можем, но обязаны пользоваться в теченіе всего того времени, которое нам дано для воспитанія подрастающаго поколѣнія. И тут является вопрос: Не существуют ли два искусства, искусство „высокое“ и искусство „общ-доступное“, дѣтское? И что слѣдует или можно давать дѣтям?

— На этот вопрос может быть только один ответ: *Есть только одно искусство*, подчиняющееся тѣм законам, которые доступны всякому истинному художнику,—и только ему. Дѣленія же искусства на „настоящее“ и „простое“—нѣт. Под искусством слѣдует разумѣть всѣ достиженія художественнаго творчества, и музыку, и театральныя представленія, и ваяніе, и живопись, и задчество, и всѣ остальныя.

Труднѣе ответить на другой вопрос—что доступно дѣтям? Прежде всего необходимо помнить, что у разных людей способность к художественному воспріятію бывает различная; слѣдовательно, при воспитаніи дѣтей слѣдует проявлять сугубое вниманіе и деликатность, чтобы не ставить им непосильных задач и не лишать их того, что им вполнѣ доступно.

Не меньшаго вниманія требуют, с другой стороны, и самыя произведенія искусства, обладая различной степени трудностью или легкости для пониманія. Но одного нельзя забывать ни на минуту: мы общаемся с твореніями великих художников не только сознательно, при посредствѣ разума, но также—и притом часто в большой степени—несознательно, или правильнѣе подсознательно,—мы „чувствуем“ красоту даннаго творенія искусства. И хотя в ясном сознаніи у нас и не осталось точных мыслей, в душѣ сохраняется нѣчто, влекущее нас к идеалу.

Таким же путем воздѣйствуют эти творенія и на дѣтей. И поэтому нельзя закрывать двери музеев и театров перед дѣтьми; драмы Островскаго, музыка Римскаго—Корсакова, картины Сѣрова ведут к идеалу всѣх, и дѣтей, и взрослых.

Задача ясна—ведите дѣтей к искусству. Пути же лежат на ответственности руководителей.

Проф. Э. Диль

Дворец Дѣтской Книги.

В то самое время, когда мы мечтаем о созданіи самой скромной Дѣтской Библіотеки, наши заатлантическіе сосѣди имѣют для своих дѣтей настолько хорошо оборудованныя дѣтскія библіотеки—Дворцы Дѣтской Книги—что мы можем только мечтать о них.

Описаніе такой Дѣтской Библіотеки

дает в № 11 „Свободнаго Воспитанія“ за 1913—1914 г. Алина Гибш.

„Комната, в которой располагается Дѣтская Библіотека, живет особой прекрасной жизнью.

Обширный свѣтлый зал, увѣщанный хорошими картинами, букеты живых благаухающих цвѣтов, огромныя вѣтви в стельных прекрасных вазах, книги, разложенныя живописно по низеньким полкам, удобныя скамьи у окон и совсѣм низенькія стульца у столиков,—все это располагает к чтенію. Книги сами точно приглашают вас многія из них раскрыты на самых интересных мѣстах или иллюстраціях.

В центрѣ зала, за письменным столом милая молодая дѣвушка внимательными глазами слѣдит, не нужно ли чего ея юным посѣтителям.

Приходят сюда и богато-разодѣтыя дѣти в сопровожденіи матерей и гувернанток, и оборвыши с улицы, которых, быть-может, не только желаніе почитать, но и холод загнал сюда, и крошки, могущія только пересматривать картинки, и школьники 13—14 лѣт, и каждый, кто бы ни вошел сюда, невольно подаетст обаянію чудесной атмосферы.

Не слышна ни шума, ни разговоров, незамѣтно ни толкотни, ни ссор.

Дѣти точно полны благоговѣйнаго трепета в этом царствѣ, книги.

Они приходят, сами выбирают то, что им хочется, садятся у столиков и углубляются в книги настолько, что не обращают ни малѣйшаго вниманія на случайных взрослых посѣтителей.

Вліяніе подобной библіотеки, помимо ея прямого воздѣйствія на умы, вряд ли поддается учету, но оно должно быть громадно: дѣти, совершенно незамѣтно для себя, учатся быть общественными, уважать чужія права, чужую собственность, научаются быть вѣжливыми, уступчивыми, внимательными, точными, отвѣтственными за свои собственные поступки.

Дѣтская библіотека гостепріимно предоставляет в распоряженіе дѣтям свои книги совершенно безплатно. Книги классифицированы на сказки разсказы исторіи и т. д. Дѣти сами выбирают или обращаются за помощью к библіотекаршѣ, которая всегда готова прійти им на помощь.

Кромѣ книг, могущих быть взятыми на дом, в каждой дѣтской библіотекѣ есть колекція справочников, часто богато иллюстрированных. Школьники часто забѣгают в библіотеку лиш для того, чтобы заглянуть в словарь или справочник.

„Часы разсказа“ заняли почетное мѣсто в дѣтской библіотекѣ. С ноября по май группы дѣтей, жаждущіе разсказов, приходят в опредѣленные дни слушать разсказчицу. Темами разсказов бывают народныя сказки, легенды, историческія преданія и т. под., имѣющія цѣлью разбудить в ребенкѣ стремленіе к чтенію и укрѣпить вкус к хорошей литературѣ на будущее время.

Не раз библіотеку посѣщает цѣлый класс народной школы во главѣ со своим учителем или учительницей и здѣсь, пользуясь их указаніями, дѣти учатся как слѣдует продуктивно пользоваться библіотекой“.

Нарисованная выше картина работы Дѣтской Библіотеки в Америкѣ дает нам яркій образец правильной постановки вообще дѣтских библіотек. Правильной потому, что характерной особенностью этой постановки является „уют“, „гостепріимство“, „привѣтливость“, напоминающіе нам лучшій уклад хорошей семьи.

В этом именно направленіи и должна итти современная организація дѣтских библіотек, перестающих быть только собраніем дѣтских книг и стремящихся стать очагом духовнаго возрожденія человѣчества.

Учит. С. Русяков.

К вопросу об организаціи библіотечной работы с дѣтьми.

Организація дѣтских библіотек или дѣтских отдѣленій при общих библіотеках—факт недавняго времени.

Изучая особенности дѣтской природы, современная педагогическая наука установила цѣлый ряд особенностей, отличающих ребен-

ка от взрослаго человѣка. Отсюда вытекает признаніе права на существованіе дѣтской литературы, которое оспаривалось, а в дальнѣйшем развитіи мысли—необходимость отдѣльной и самостоятельной библіотечной работы с дѣтьми. Классической страной библіотечнаго дѣла считаются С. А. Соединенные Штаты.

Останавливая вниманіе на организаціи библіотечнаго дѣла в Америкѣ нельзя не отмѣтить безпримѣрную по своей высотѣ постановку дѣтских библіотек.

Типичным в этом случаѣ является дѣтское отдѣленіе Центральной Нью Іоркской публичной библіотеки, описаніе которой дано авторами, посѣщавшими ее как европейскими напр., (Мюнстерберг), так и русскими (Л. Б. Хавкина, В. А. Зеленко).

Под дѣтское отдѣленіе в Центральной библіотекѣ отведен большой зал, раздѣленный арками на три части: дѣтская читальня, „комната картинок“ и дѣтскій абонементъ.

В „комнатѣ картинок“ малыши, обычно сопровождаемые взрослыми, внимательно слушают чтеніе вслух и разсказы.

На открытых полках стоит цѣлая коллекція иллюстрированных книг на англійском, нѣмецком, французском, русском и шведском языках, в отдѣльных шкафах подобраны дѣтскія книги XVIII и первой половины XIX вѣка, дающія матеріал для изученія эволюціи дѣтской литературы, отдѣльно также находятся книги, служащія пособіем для разсказыванія дѣтям.

В дѣтской читальнѣ цѣлая коллекція справочных книг, доступных дѣтскому пониманію.

Библіотека поощряет всѣ пріемы, которые закрѣпляют в памяти прочитанное и будят дѣтскую мысль: группы мальчиков постоянно обращаются к справочникам для разрѣшенія отдѣльных вопросов, устраиваются дебаты и пишутся сочиненія на темы, служащія показателем высоких умственных интересов дѣтей.

При Центальной библіотекѣ и филіалах организованы дѣтскіе клубы, дающіе широкій простор индивидуальным вкусам.

Чрезвычайно важной отраслью библіотечной работы с дѣтьми является разсказываніе. „Часы разсказа“ в американских библіотеках пользуются большой популярностью; как педагогическій метод, разсказываніе дает прекрасные результаты, обратившіе на себя вниманіе в Западной Европѣ, а в послѣднее время и у нас. С постановкой разсказыванія знакомят двѣ прекрасныя книги, имѣющіяся в русском переводѣ. Партридж Э. Н. и Дж. Е. Разсказываніе в школѣ и дома. изд. т ва „Міръ“ М. 1914. и Брайэнт. Как и что разсказывать дѣтям. Птгр. 1916.

Необходимо также отмѣтить тѣсную связь дѣтских библіотек Америки со школами: публичная библіотека питает школьныя библіотеки, давая обширный и разнообразный составъ книг, путем постояннаго обмѣна; в свою очередь школами устраиваются коллективныя посѣщенія библіотеки. По статистическим данным, относящимся к 1912 году в дѣтских отдѣленіях Нью-Іоркской публичной библіотеки зарегистрировано 1.229.000 посѣщеній, на дом выдано 3.000.000 книг.

Огромный интерес дѣтскія библіотеки подобнаго типа представляют и для взрослых, интересующихся вопросами воспитанія: здѣсь огромное поле для наблюденій психологов, лабораторія для выработки методов работы с дѣтьми.

В наших русских библіотеках начинается также библіотечная работа с дѣтьми. Школьныя библіотеки в подавляющем большинствѣ не могут обслуживать даже учащихся.

Переживаемый момент налагает большія обязанности по отношенію к дѣтям, выдвигаются нужды общественнаго воспитанія и в этой области дѣтским библіотекам придется взять на себя большой и почетный труд.

На этот путь встали: библіотека Лиговскаго Народнаго Дома в Петроградѣ и Грибоѣдовская библіотека в Москвѣ. При личном ознакомленіи с послѣдней пришлось убѣдиться, что она становится центром работы с дѣтьми в Москвѣ. Насколько велико к ней тяготѣніе, показывает тот в высшей степени характерный факт, что в тяжелые октябрьскіе дни 1917 года дѣти под выстрѣлами с большим риском бѣгали в „Грибоѣдовку“ и настоятельно требовали, чтобы Завѣдывающая библіотекой А. К. Покровская не прерывала с ними занятій.

В частности „часы разсказа“ впервые в Россіи появились в Грибоѣдовской библіотекѣ в 1911 году по иниціативѣ А. У. Зеленко; в мартѣ 1915 года городом была организована „Комиссія по организаціи бесѣд и чтеній для дѣтей и бѣднѣйшаго населенія г. Москвы“ в рядах которой Грибоѣдовскій кружок разсказчиков является центром, куда входят учителя, учительницы, библіотекари и другія лица, интересующіяся дѣтьми. Кружок обслуживал в 1917 году 20 аудиторій, гдѣ

собирался слой дѣтей и подростков, лишенный вліянія школы и находящійся внѣ всякаго культурнаго воздѣйствія.

В стѣнах самой Грибоѣдовской библіотеки ведутся бесѣды и разсказы на темы художественнаго и научнаго содержанія; там же положены прочныя основы для об'единенія дѣтей.

Библіотека располагает богатым матеріалом и находится в опытных руках А. К. Покровской; за послѣдніе годы разросся „Кружок друзей Грибоѣдовской библіотеки“.

Харьковская Общественная библіотека имѣет особое дѣтское отдѣленіе; в нѣкоторых библіотеках Европейской Россіи устроены спеціальные „дѣтскіе дни“ или ежедневно „дѣтскіе часы“ (Уфимская губернія).

В Сибири развитіе библіотечнаго дѣла идет тѣм же путем: так в г. Омскѣ Пушкинская библіотека выдѣлила дѣтское отдѣленіе, которое обслуживается спеціалистками по работѣ с дѣтьри—библіотекаршей и ея помощницей; в цѣлом рядѣ городов имѣются разработанные проекты об организаціи дѣтских библіотек, но дѣло задерживается в виду тяжелаго финансоваго положенія. Нынѣ г. Томск в лицѣ Городской внѣшкольной секці выдвинул задачу организаціи дѣтской библіотеки и читальни. Задачу эту нельзя не признать неотложной и насущно необходимой.

Путь избран вѣрный.

Этому дѣлу дожно сопутствовать широкое общественное сочувствіе, лучшим выразителем котораго послужит всемѣрное активное участіе граждан въ созданіи дѣтской библіотеки г. Томска.

Н. Зенкевич.

Чтеніе в жизни дѣтей.

„Пусть же и в сердцѣ твоем
Все, что из книг ты узнал,
Ярким засвѣтит лучом“.

Сегодня в „День книги“ мнѣ хочется подѣлиться своими наблюденіями над отношеніем дѣтей к чтенію книг.

Два с половиною десятка лѣт мнѣ пришлось работать в училищѣ, гдѣ главным образом учились и учатся дѣти городской бѣдноты.

Книга играет в жизни этих дѣтей совершенно исключительную, огромную воспитывающую роль. „Дѣти—цвѣты жизни“, и они нуждаются в теплѣ и свѣтѣ, которых так мало дает им жизнь. Книга заставляет их отрѣшаться от грубаго прикосновенія ежедневнай будничной жизни, такой непосильной для дѣтскаго сердца: она или уносит их в другой прекрасный мір, в мір фантазіи и мечты, или дает им радостныя, свѣтлыя переживанія дѣйствительной жизни. С каким свѣтлым смѣхом слушают дѣти повѣсть об Емелѣ—охотникѣ, у котораго шел поединок с оленем из за желтенькаго олененка и у котораго рука не поднялась на беззащитнаго звѣрка. С каким восхищенным вниманіем и свѣтлым мечтательным чувством слѣдят они за отлетом журавлей по книжкѣ Шмелева „К солнцу“. А как захватывает их Томпсон и мужественная красивая жизнь изображаемых им животных. Но не менѣе горячій отклик в сердцах дѣтей находят и книги, изображающія печальную сторону человѣческой жизни. Участь одинокого старика Елеськи („Зимовье на Студеной“ Мамина-Сибиряка) и смерть его друга Музгарки; неразрѣшимые для нѣмого Герасима („Муму“ Тургенева) контрасты жизни и стремленіе излиичть накопившуюся в его сердцѣ жажду дѣятельной любви на беззащитную собачку,—все это трогает маленькаго читателя и неизгладимыми чертами ложится на его сердце, воспитывая глубоко гуманныя чувства.

Как же пробуждается в дѣтях такой захватывающій интерес к книгѣ, любовь к ней. Вѣдь большинство из них не видало книг до училища: суровая борьба за существованіе вытѣсняет у взрослых, окружающих дѣтей, потребность в духовном отдыхѣ. До книг ли, когда семьѣ нечего ѣсть, когда с ранняго утра и до поздняго вечера приходится работать не покладая рук?

Одним из самых главных условій пробужденія в дѣтях интереса и любви к книгѣ являются уроки чтенія и разсказы посторонних книг в училищѣ в часы учеб-

ных занятій или в свободное от уроков время. напр. вечером. Эти часы чтенія давали мнѣ широкое поле для наблюденія над тѣм, как пробуждается и дѣлается все сознательнѣе интерес к книгѣ среди дѣтей (дѣвочек) в возрастѣ от 8 до 12 и 13 лѣт.

Начну с самых маленьких Их на первых порах бывает трудно „разговорить“ и обыкновенно сближают и сдруживают с вами маленьких дикарок ваши сказки и незамысловатые разсказы. Послѣ двух, трех разсказов или сказок недовѣрчивый, исподлобья взгляд исчезает, блѣдныя лица розовѣют и озаряются улыбками, застѣнчивость и робость понемногу уступают мѣсто желанію разсказать самим свои сказки. Попробуйте послѣ этого принести в класс книгу с картинками и прочесть из нея сказочку или разсказ про животных, таких близких и понятных дѣтям, и вас засыпают просьбами прочитать еще. На слѣдующій день, если вы придете в класс без книги, вы увидите, какое большое разочарованіе отразится на лицах дѣтей. А каким безцѣнным стимулом является книга при изученіи азбуки! „Учись внимательно читать и писать, чтоб самой читать книги“. „Учись читать, и я дам тебѣ много интересных и веселых книжек“, „Вот научишься читать и будешь сама брать книги из „большого шкапа“ и сама читать их“. Сколько вниманія и старанія, сколько трудов приложится к изученію азбуки! Как только прочитывался букварь и дѣти переходили к классной книгѣ для чтенія, раз в недѣлю им выдавались книги из „большого шкапа“. Это были большею частью Тулуповскія и Шестаковскія книжечки для малышей; онѣ не переплетались и не заносились в каталог ученической библіотеки. С каким то особенным чувством благоговѣнія и радости разбирались дѣтворой эти книжки, от которых к концу года оставались обыкновенно жалкія, затасканныя, разрозненныя книженки. Так онѣ зачитывались. В день выдачи книг учителю, выдававшему их, буквально нельзя было показаться на глаза малышей, а если почему либо выдача откладывалась до слѣдующаго дня, дѣти толпой стояли около дверей учительской и выжидали выхода учителя, чтоб яростно напасть на него и с громкими просьбами выдать книги „сегодня, а не завтра“. В таких случаях успокоительно дѣйствовало коротенькое замѣчаніе: „Перемѣнитесь сами между собой“. Толпа с радостным визгом убѣгала в класс, гдѣ начинался обмѣн книгами с лестными отзывами о своей книгѣ, с разсматриваніем картинок.

А вот дѣти средняго возраста, от 11-ти до 12 и 13-ти лѣт (четвертый и пятый год обученія). Здѣсь раз в недѣлю, обыкновенно в субботу, 4-й урок, а если его одного мало, то и 5-й урок бывало чтеніе посторонней внѣклассной книги. Как ждали этого дня! За нѣсколько дней уже задавались вопросы: „Что будем читать в субботу?“ „Нѣт ли какого засѣданія? не будет ли совѣта?“ (Все это мѣшало чтенію и заставляло откладывать его до другого раза). Наступала суббота. Звонок на большую перемѣну и толпа „четвертых“ и „пятых“ с криком и гамом несется вниз по лѣстницѣ, чтоб скорѣе одѣться, сбѣгать домой на обѣд и вернуться к началу 4-го урока. Вы тоже торопитесь позавтракать и идете в училище. В окнах уже торчат физіономіи дежурящих. В корридорѣ вас встрѣчают цѣлой толпой, открывают вам двери, берут от вас книги или тетради и бережно несут в учительскую. Послѣ звонка вы входите в класс. Там тишина—всѣ приготовились слушать Сидят кто гдѣ: на скамьях, на столах, всѣ жмутся на первыя парты поближе к столу. На нем букет цвѣтов или открытка Это—подарок, благодарность чтецу. Иногда просят сѣсть на стол первой парты: „Чтоб всѣм было видно“,—слышать мало, нужно еще и видѣть. Чтецу тоже нужно видѣть загорѣвшіеся мыслью глаза, вспыхнувшія, растроганныя лица дѣтей. У одних сурово сдвинуты брови и крѣпко стиснуты губы, другія упали на стол головой и рыдают—кто знает о чем? Жаль ли утопленную Муму или это слезы о горькой долѣ самого Герасима? Подождем, бесѣда в понедѣльник скажет об этом, а сегодня будем только читать. Вѣдь ради этого чтенія в субботу всѣ пришли в класс: не остановили страх перед ариѳметикой, не скучный грамматическій разбор, ни головная боль, ни что иное, что в другіе дни является немаловажной причиной непосѣщенія уроков. Чтеніе—это праздник, это

радостный отдых от классной учебы. Художник слова—это добрый волшебник, который умчит вас от обыденной жизни в другой прекрасный мір, познакомит с другими людьми, покажет другія мѣста, заставит вас радоваться и печалиться вмѣстѣ с своими героями. Вот почему отмѣна чтенія считалась наказаніем.

Особенный характер интимности носили часы вечерних чтеній. На эти чтенія могли приходить, если хотѣли, не только ученицы 4-й и 5-й группы, но и ученицы 6 и 7-й групп. Уже одно то, что для большинства они были неожиданностью и устраивались в неурочное время, придавало им особенную прелесть. А потом собраться вечером в огромное зданіе училища, гдѣ из углов уже выглядывает таинственный сумрак, в печках весело мылают и трещат дрова, гдѣ ваши шаги раздаются гулко и четко, а голос как то особенно звонко звучит, самим заправить и зажечь лампы, разставить в общем залѣ стулья и скамьи, повѣсить соотвѣтствующія чтенію иллюстраціи и портрет писателя, чье произведеніе будет читаться, убрать стѣны цвѣтами и флажками, вообще приложить всѣ старанія к тому, чтоб придать комнатѣ необычайный, нарядный, праздничный вид,—все это создавало особое настроеніе. Приходил чтец. Сдержанный говор, шарканье ног, веселый смѣх замолкали, как во волшебству; всѣ чинно усаживались на мѣста и слушали, затаив дыханіе, впившись в чтеца глазами. Казалось, ни одно слово, ни один звук не упускались дѣтьми. Так умѣют слушать только неизбалованныя жизнью дѣти. Но вот чтеніе кончено. Минута молчанія, а потом шумные возгласы удовольствія, просьбы прочесть еще что-нибудь. И чтецу не легко бывает справиться с бурным восторгом слушателей. Приходится выжидать, когда зал снова притихнет, и только тогда начать бесѣду о прочитанном. Это совсѣм другая, чѣм в классѣ, непринужденная, необязательнак для всѣх бесѣда, а потому в ней и принимают участіе всѣ собравшіеся, сыплются замѣчанія, соображенія, вспоминаются раньше читанныя, подобныя по содержанію книги; говорятся стихи, подходящія к темѣ, разсказывается, что сами читали того же автора; вспоминается или тут же коротенько разсказывается чтецом біографія автора. Если это поэт, то нѣкоторыя вещи его поются хором. Если послѣ такого чтенія учителем русскаго языка задавалось сочинені. „Что вы больше всего любите“, непремѣнно писали: „Чтеніе по вечерам“.

Эти часы чтенія в классѣ и вечером привязывали дѣтей к книгѣ. Поэтому в дни выдачи книг в библіотекѣ всегда бывало густо и шумно. На бѣднаго библіотекаря сыпались требованія той или иной книги. Просились книги не только беллетристическаго содержанія, но и книги с географическим, этнографическим, историческим содержаніем, по вопросам естествознанія и біографіи писателей и великих людей. Я знаю, напр., что послѣ уроков географіи нарасхват брались книжки Нечаева: „Дюны и их происхожденіе“, „В царствѣ огня и воды“, „Рбаота вѣтра“ и др. или книжки Берлина: „Младшіе братья в семьѣ народов“, „Разсказы про дикаго человѣка“ Коропчевскаго и т. д. В журналах „Всходы“, „Семья и Школа“, „Юная Россія“, „Маяк“, „Родник“ и прочитывался не только литетатурный отдѣл, но и статьи другого содержанія, и нерѣдко онѣ нравились больше всѣх остальных.

В заключеніе моей затянувшейся статьи мнѣ остается только сказать, что в наши страшные, кошмарные дни, когда дѣтям приходится на ряду с взрослыми переживать всѣ ужасы жизни, необходимо с особенным вниманіем и заботливостью отнестись к постановкѣ дѣтскаго чтенія и к выбору книг для него.

П. Замараева.

Основныя принципы дошкольнаго и внѣшкольнаго воспитанія.

Лѣтом 1917 года министерством государственнаго призрѣнія в г. Петербургѣ было созвано Всероссійское совѣщаніе по вопросам дѣтскаго призрѣнія. Как и слѣдовало ожидать центральное мѣсто в работах этого совѣщанія заняли вопросы чисто педагогическаго характера. Совѣщаніе выполнило большую работу, но послѣдующія затѣм событія (октябрьскій переворот) помѣшали изданію трудов этого совѣщанія, и таким образом общество было лишено возможности познаке-

миться с весьма цѣнным педагогическим матеріалом.

В настоящей статьѣ я коснусь вкратцѣ лишь наиболѣе существеннаго вопроса—об основных принципах до школьнаго и внѣшкольнаго воспитанія.

В тезисах к докладу „Об обязательности соціальной помощи“ В. Н. Половцевой и В. Н. Новикова цѣль соціальной помощи опредѣляется—как созданіе для дѣтей „необходимых условій для физическаго и духовнаго развитія“. Еще болѣе опредѣленно и категорично формулировано это положеніе в руководящих тезисах для работ комиссіи по организаціи дѣла дѣтскаго призрѣнія: „Попеченіе о дѣтях должно имѣть в виду *всѣ без исключенія категоріи дѣтей*, условія существованія которых (в смыслѣ матеріальном или духовном) не в состояніи обезпечить им *правильное физическое, умственное и нравственное развитіе*“.

Послѣднія строки напоминают знаменитую формулу Миртова в его „Историческихъ письмах“ („Что такое прогресс“). И ими намѣчается как направленіе дошкольнаго и внѣшкольнаго воспитанія, так и среда, на которую оно должно распространяться. „Не должно быть различія между дѣтьми матеріально обезпеченными и необезпеченными—в вопросах воспитанія“, ибо *законы* развитія личности для тѣх и других одинаковы. Тѣм самым предопредѣляется и второй весьма существенный принцип дошкольнаго и внѣшкольнаго воспитанія: его *обязательность*. К сожалѣнію у нас в обществѣ слишком слабо развито сознаніе этого принципа. В особенности широкія массы населенія смотрят на дошкольное и внѣшкольное воспитаніе (площадки и дѣтскія сады) как на дорогую и ненужную роскошь. Если в отношеніи обязательности всеобщаго обученія грамотѣ не может быть сомнѣній и возраженій, то иначе обстоит дѣло в отношеніи воспитанія дошкольнаго и внѣшкольнаго. „Дѣтскія площадки—баловство, игра“—говорят просто людины. Это обстоятельство было между прочим отмѣчено и на 1 м Всероссійском сѣздѣ народных учителей в 1912 году.

Между тѣм дошкольное и внѣшкольное воспитаніе является в такой же, если не в большой степени важным, как и школьное. Созданіе в государственном масштабѣ дѣтских садов—это первая обязательная ступень для воспитанія дѣтей от 6 но 8 лѣтняго возраста пишет прив. доц. Мос. Ун. К. Корнилов. (Дошкольное воспитаніе пролетарских дѣтей) „Лучшей реформой для школы будет та, которая сумѣет перебросить мост от дошкольнаго воспитанія к школѣ, уничтожив ту пропасть, которая лежит в настоящее время между этими двумя неразрывными періодами дѣтской жизни“.

Петербургское совѣщаніе по дѣтскому призрѣнію признало обязательность воспитанія дошкольнаго и внѣшкольнаго в такой же мѣрѣ, как и школьнаго обученія. В вышеупомянутых тезисах к докладу В. Н. Половцевой, принятых и совѣщаніем говорится: „Область обязательнаго попеченія о дѣтях должна быть урегулирована в законодательном порядкѣ, при чем должны быть точно опредѣлены обязанности и права в области соціальной помощи между государством—центральным органом и самоуправленіями—частными обществами и дѣятелями, а также и замѣщающими их близкими дѣтей и самими дѣтьми—объектами попеченія“. Должно быть создано „Дѣтское Уложеніе“ и „Дѣтская инспекція“.

Еще категоричнѣе был поставлен вопрос обзаконодательном урегулированіи дошкольнаго и внѣшкольнаго воспитанія в секціи по вопросам призрѣнія ненормальных дѣтей.

Третій существенный принцип, обсужденію котораго было посвящено на совѣщаніи довольно много мѣста, это вопрос о характерѣ воспитанія. Безусловно было признано всѣми, что воспитаніе должно организовываться напринципѣ самодѣятельности, самопомощи творческаго трудового начала и общенія с природой“. Но каковы должны быть отношенія между так наз. индивидуальным началом и коллективным? И тут обнаружилось два теченія. С одной стороны—защитники индивидуализма выдвигали на *первый план* развитіе даннаго ребенка в соотвѣтствіи с его психо физіологическими особенностями. Яркое выраженіе этой системы мы имѣем в извѣстных „Домах Монтессори“. Противники узкаго индивидуализма указывали, что перегибаніе палки в эту сторону повело к выработкѣ из дѣтей эгоистических типов, тѣм болѣе, что в раннем возрастѣ как раз именно наблюдается склонность к „дѣтскому эгоизму“. Воспитаніе наоборот, должно преслѣдовать в первую очередь развитіе коллективистических чувств. В результатѣ обсужденій была взята средняя примирительная линія, выраженная в резолюціи 2 й секціи:

„Воспитаніе должно быть индивидуаль-

ным при строгом соблюденіи в то же время начала общественности“. Таланту и искусству воспитателя предоставляется трудная задача сочетать в воспитаніи эти два начала: развитіе данной индивидуальности и развитіе общественности так, чтобы ни одно начало не было принесено в жертву другому.

В заключеніе упомяну еще об одной важной детали, которая также вызвала вниманіе со стороны совѣщанія: вопрос о демократизаціи воспитанія. До сих пор демократизацію понимали, я сказал бы, в чисто механическом смыслѣ распространеніе дѣятельности тѣх или иных учрежденій на широкія массы. Приблизить и сдѣлать доступной для широкаго населенія школу, библіотеку дѣтскій сад, площадку—вот задача демократизаціи школы и т. д. Но упускалась из поля зрѣнія другая сторона вопроса. Мало дать массам школу, библіотеку или дѣтскій сад; надо помимо того еще и втянуть эти массы в живую активную работу в этих учрежденіях, создать между этими учрежденіями и населеніем тѣсную связь. Только тогда дѣйствительно окажется возможным охваты страны просвѣтительными учрежденіями. И только тогда повышеніе культурнаго уровня в странѣ пойдет быстрыми и твердыми шагами, потому что для этого найдутся и средства и живыя творческія силы в нѣдрах самого народа.

Ал. Богданов.

О налогѣ на неспособность воспитывать дѣтей.

Жуть от современной общественной жизни охватывает многих. Современная общественная жизнь страшит. Кажется, в семьѣ только и можно убѣжать из нея.

А между тѣм и семьи то уже почти нѣт. У „интеллигенціи“ ее сѣѣл „буржуазный образ жизни“, у „народа“ капитализм и т. д.

Семья гаснет по біологическим (и отраженно) экономическим причинам, и как „идеологія“ этого угасанія всплывает коммунистическое ученіе об „отмѣнѣ семьи“.

С семьею умирает любовное, простое, открытое, дружественное и родственное отношеніе людей друг к другу.

„Семья“ растекается в „общество“, гдѣ любовь замѣнена гуманностью, деликатность приличіем, самоотверженность расчетом.

Умираніе семьи больнѣе всего бьет по ребенку. Количество „дѣтей улицы“ есть коэффиціент распавшихся „домов“, рухнувших семей. Это в „народѣ“, а в „интеллигенціи“ таким коэффиціентом являются: „дѣти билліардной“, „дѣти интимнаго театра“, „дѣти тотализатора“ и т. п.

Отсюда пред „обществом“ вырастает задача замѣнить ребенку утраченную семью, ибо всякому ясно, что лишь в семьѣ, лишь под воздѣйствіем родственнаго отношенія со взрослым, может быть осуществляемо „воспитаніе ребенка“. Как в огородѣ поливка, так в воспитаніи „родственность“ выращивают душу и тѣло ребенка, дают возможность им процвѣсти.

Всякая школа, особенно дѣтская, должна быть построена по типу семьи, должна семьѣ подражать. Это только осколок той общей мысли, что человѣчество должно всѣ свои отношенія стремиться окрасить родственностью.

Эмбріоном такой школы—семьи, является, по моему ожиданію, и проэктируемая в г. Томскѣ „дѣтская библіотека“.

Понятіе „библіотеки“ у нас в обществѣ вообще изуродовано. В представленіи многих „библіотека“ это ряд шкафов или полок, к которым „посторонних не пускают“. „Посторонним“, т. е. тѣм, кому только и нужна библіотека—„читателям“—доступен только „каталог“. Для нас „библіотека“ это мѣсто, гдѣ мы достаем книгу или гдѣ мы ее прочитываем („читальня“). Все-же, что мы переживаем вокруг книги, до того, как воспринять ее и потом по прочтеніи, выражается нами внѣ библіотеки. В дѣйствительности-же слѣдовало бы, чтобы библіотека соединялась не только с „читальней“, но и с „говорильней“, чтобы всѣ наши „кружки“, „клубы“, „семинаріумы“, „уроки“, „лекціи“ и проч. переселились в библіотеку, чтобы школа в чистом, в бла-

городнѣйшим составѣ этого понятія, вошла в библіотеку и стала нераздѣльной с нею. На подобіе того, как она должна быть нераздѣльной с „музеем наглядных пособій“, т. е. с орудіями зрительной и т. п. демонстраціи.

Сущность школы, ея отличіе от всякаго иного собранія людей для самообразованія,—руководительство.

Руководительство же дѣтской библіотекой должно развернуться до руководительства дѣтской жизнью, до власти над душею ребенка.

И не „гдѣ то там“, в „отдаленном будущем“, а возможно скорѣе, ибо душа современнаго ребенка от холода окружающей „общественности“ — остеклѣла, „обилліардилась“.

Во взрослом есть дисциплина духа, есть способность к раздѣленію труда своего духа, в том смыслѣ, что взрослый легко от'единяет воспріятіе чужого духа через книгу, через звук, краску, линію и прочее, т. е. твердо пролагает границу между „чтеніем“, „живописью“, „музыкой“ и т. п.

В ребенкѣ эта дисциплина слаба и на узком сравнительно, на тѣсном еще полѣ духовной самостоятельности его, всѣ „пути постиженія міра“ еще очень близки друг к другу.

Это должен учесть воспитатель и, конечно, воспользоваться.

Дѣтская „рисовальня“, дѣтское „сочинительство“, дѣтскій „театр“, „пѣніе“ (хор и соло), „музыка“ (оркестр, соло и проч.) все должно возрости вокруг библіотеки.

Ибо библіотека сливается со школою, а школа должна сливаться с семьею. Другими словами в „дѣтской библіотекѣ“ должно быть все, чего можно пожелать идеальной семьѣ.

„Дѣтская библіотека“ есть эмбріон семьи в святѣйшем смыслѣ этого слова семьи всего человѣчества.

Может быть промысл Создателя в данном случаѣ (т. е. в лицѣ капиталистическо-коммунистической реакціи-на семью) в том и состоит, чтобы чрез смерть мелкаго кровнаго союза, как очага соціальности, напомнить нам всѣм, дышащих воздухом земли, о едином Источникѣ нашего рожденія и, слѣдовательно, о необходимости осознанія нами уродливости каждаго из нас всему человѣчеству или даже, точнѣе говоря, космосу.

* * *

То пониманіе „дѣтской библіотеки“, которое я выше слегка развернул, конечно, очень отвѣтственно, но я думаю, что все богатство современной педагогико-психологической и педологической литератур, всѣ откровенія нашего иногда дѣйствительно дѣтски-наивнаго „вѣка ребенка“ могут быть призваны мнѣ на помощь для цѣлей болѣе убѣдительнаго (т. е. размельченнаго) обоснованія этого пониманія и для детальной обрисовки конкретных шагов работы библіотеки.

Послѣдняя цѣль (конкретный проэкт дѣятельности библіотеки) наиболѣе заманчива и даже болѣе обязательна. Ибо легко могут возразить, что „все это хорошо, но практически неосуществимо“.

На это возраженіе лучше не отвѣчать ... словами, но... дѣлом.

Дѣло библіотеки потечет с великим успѣхом, впрочем, как и всякое человѣческое дѣло, в мѣру таланта его участников.

Общество же, „публика“—должна заплатить налог на свою неспособность к воспитанію дѣтей, налог на грязь своего семейнаго поведѣнія, налог на, конечно, почти всегда невольное развращающее вліяніе на дѣтей, налог на неумѣніе согрѣть душу дитяти.

Общество должно выкупить свою безнравственность и безсемейственность.

Если общество выбросило тысячи дѣтей на улицы, в трактиры, в воровство и спекуляцію, если оно краснорѣчиво утвердило этим свою безпомощность или нежеланіе вести ребенка по пути чистоты и просвѣщенія, по единственному возможному пути возростанія человѣка, пусть оно даст для этой работы „спасенія міра“ средства тѣм, кто в этой работѣ видит свой нравственный долг и жизненное призваніе в длящійся над нами горестный час нравственнаго сиротства человѣчества.

Ин. Филиппов.

К вопросу о дѣтскомъ чтеніи.

Что дѣтская книга имѣетъ большое воспитательное значеніе и что, слѣдовательно, дѣтское, чтеніе должно быть упорядочено, что за нимъ надо слѣдить,—это давно уже сознала педагогическая мысль. Всѣ мы знаемъ, что есть книги хорошія и дурныя, и что надо заботиться о томъ, чтобы дѣтямъ попадали въ руки именно хорошія книги. Когда мы покупаемъ книгу для ребенка, мы стараемся выбрать извѣстнаго намъ хорошаго автора. Мы знаемъ, что такому то издательству можно довѣрять: оно выпускаетъ только хорошія книги, такъ какъ во главѣ его стоитъ извѣстный педагогъ.

Иногда мы пользуемся даже случайными справочниками по дѣтской литературѣ, которыхъ въ послѣднее время издалось большое число. Наконецъ наиболѣе передовые родители и воспитатели подписываются съ этой цѣлью на спеціальные критическіе журналы по дѣтской литературѣ (напр. „Какъ и что читать дѣтямъ“), которыхъ за послѣдніе годы въ культурныхъ центрахъ Россіи возникло нѣсколько. Надъ дѣтской литературой за послѣднее время установился строжайшій общественный контроль. Не будь книжнаго голода, вызваннаго современной разрухой, можно было бы надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ не только въ такъ наз. интелегентной семьѣ, но и въ школьныхъ и народныхъ библіотекахъ нельзя уже будетъ найти плохихъ дѣтскихъ книгъ, разсчитанныхъ на другой вкусъ и несвѣдующей пользы. Изъ безпорядочнаго и случайнаго дѣтское чтеніе становится повидимому все болѣе и болѣе упорядоченнымъ.

Только *повидимому*. Большей частью мы думаемъ, что задача упорядоченія дѣтскаго чтенія сводится къ отбору хорошихъ книгъ. Мы думаемъ, что давъ ребенку въ руки хорошую книгу, мы удовлетворили требованію нормальнаго воспитанія. И если есть у насъ возможность, мы задариваемъ дѣтей хорошими книгами. Подарки книгами намъ представляются наиболѣе „интеллигентными“. Поэтому даже въ небогатыхъ интеллигентныхъ семьяхъ нерѣдко встрѣтить дѣтей, имѣющихъ къ 9-и годамъ цѣлыя библіотеки дѣтскихъ книгъ. Пять—шесть именинъ и день рожденія при наличіи нѣсколькихъ знакомыхъ интеллигентныхъ семействъ—и у Вашего ребенка груда книгъ, большей частью удовлетворяющихъ требованіямъ хорошаго дѣтскаго чтенія

Нормально-ли такое положеніе? Достаточно-ли книгѣ просто быть хорошей, чтобы быть полезной для ребенка? Разрѣшается-ли задача дѣтскаго чтенія простымъ отборомъ хорошихъ книгъ? Конечно нѣтъ. Выборъ хорошей книги есть только первоначальное и самое легкое дѣло въ упорядоченіи дѣтскаго чтенія. Мы большей частью ограничиваемся имъ, потому что не имѣемъ интереса, охоты и времени по настоящему слѣдить за дѣтскимъ чтеніемъ. Мы забываемъ, что дѣло не въ книгѣ, какъ таковой, а въ томъ отношеніи, въ какомъ стоитъ къ книгѣ нашъ ребенокъ. Книга есть оружіе человѣка, и она хороша лишь постольку, поскольку остается послушнымъ его орудіемъ. Она вредна, какъ только изъ орудія человѣка становится его властелиномъ.

Еще Руссо замѣтилъ, что орудія, созданныя человѣкомъ, имѣютъ тенденцію навариваться на человѣка и превращать его, ихъ еще недавняго господина, въ своего раба. Такъ слово человѣка есть одно изъ самыхъ благородныхъ его орудій. Человѣкъ, господствующій надъ своимъ словомъ, пользующійся имъ въ мѣру своихъ собственныхъ мыслей и чувствъ, сильнѣе, царственнѣе безсловеснаго животнаго. Но попробуйте учить ребенка преждевременно рѣчи: онъ пріучится употреблять слова, не понимая

ихъ значенія,—не потому, что ему надо выразить в них собственную мысль или чувство, а потому, что он слышит, что так говорят другіе. И постепенно из орудія человѣка слово станет его господином: оно перестанет быть для него полновѣсным, полным значеніем. Такой человѣк не будет цѣнить слова. Вмѣсто того, чтобы выражать свои мысли и чувства в словах, такой человѣк будет употреблять слова безсмысленно. Словесный покров прикроет от него его собственныя мысли и чувства, а затѣм и замѣнит их. Так созданный человѣком механизм овладѣет им, превратит его в своего раба.

Не то же ли самое может случиться и с книгой и особенно с хорошей книгой? Хорошая книга есть долго выношенный плод много думавшаго и пережившаго человѣка. Чѣм лучше книга, тѣм больше собрала она в себѣ от души этого человѣка, ея автора. Представте себѣ, что ваш ребенок будет еженедѣльно знакомиться с новыми людьми и ежедневно бесѣдовать с нѣсколькими из них. Вы сочтете также время препровожденіе глубоко не воспитательным. А развѣ не то жо ли самое предлагаете Вы ребенку, когда заваливаете его хорошими книгами? Вмѣсто того чтобы быть другом человѣка, его вѣрным и мудрым собесѣдником, книга становится внѣшним аксессуаром, орудіем тщеславія и самодовольнаго многознайства. Ребенок спѣшит перечитать всѣ книги, перебѣгает от одной к другой, и нѣт времени у него подумать над книгой, сжиться с ней, полюбить ее. Пред нами то же зрѣлище: созданный человѣком механизм забывает о своем подчиненном значеніи, наваливается на человѣка и из орудія его превращается в его господина.

Что же дѣлать? Задерживать ученіе ребенка? Не давать ребенку вообще книг, как это думал Руссо, и как это иные думают теперь? Конечно нѣт. То счастливое время, когда даже взрослый человѣк прилѣпляется на долго к какой нибудь одной книгѣ, подолгу останавливаясь на ней и часто к ней возвращаясь, еще и еще перечитывая знакомыя милыя мѣста, —это время, увы, миновало. И его не вернуть никакими механическими мѣрами. Ибо «не давать ребенку книг»—эта мѣра сталь же поверхностна и огульна как и «задаривать его хорошими книгами». Оба рѣшенія вопроса просты, легки, нетребуют от нас никакой работы, никакого вниманія к дѣтям. И для тѣх, кто торопится, кто занят, кто не имѣет охоты слѣдить за дѣтьми, пожалуй лучше не давать ребенку книг, чѣм задаривать его хорошими книгами. Воспитатель же, дѣйствительно слѣдящій за дѣтским чтеніем, ее заваливая ребенка книгами и не отвергая их всѣх огульно, будет соразмѣрять количество книг, которыя он даст ребенку, с ростом его личности. Не слишком мало, чтобы не получилась бѣдная духовным содержаніем личность, неприспособленная к современной сложной культурной обстановкѣ. Но и не слишком много, дабы не получилась личность надломленная; не выдержавшая бремени со всѣх сторон навалившихся на неё культурных содержаній. Общаго огульнаго рѣшенія вопроса здѣсь быть не может. Вопрос о дѣтском чтеніи сводится не к вопросу о хорошей книгѣ, а к вопросу об отношеніи хорошей книги к растущей личности человѣка.

И потому не жалѣйте в сегодняшній день опустошить библіотеки ваших дѣтей. Не бойтесь лишить их хороших книг. Оставьте дѣтям нѣсколько книг с которыми они сдружились, к которым они любят часто возвращаться. Остальныя отдайте. Вы сдѣлаете благое дѣло не только для Городской Дѣтской библіотеки, но и для самих Ваших дѣтей.

Проф. С. І. Гессен.

Дайте нам книгу!

О взрослые братья! Растем мы меж Вами,
Но радостен рѣдкій лишь час:
Вы заняты сильно своими дѣлами—
Вам некогда думать о нас.

Ходим мы в школу;
Дома ждет работа;
Дѣлаем мы дѣло,
Есть у нас забота.

В школѣ же тѣсно и людно бывает,
Подчас голова лишь болит,
А дома нас радость вѣдь рѣдко встрѣчает,
Но часто «нельзя» лишь звучит.

Когда-ж-нам досужно,
Радости не знаем:
Того нѣт, что нужно,
Время—«т а к»—мы теряем.

Так гдѣ же нам можно собою заняться,
Гдѣ дѣлать нам дѣло свос?
Гдѣ могут ребята свободно собраться,
Использовать досуг на все?

Хорошая книга
Думать заставляет,
И в малое время
Добру научает.

Вы знаете сами, что с книгой заняті я
Возможны лишь в теплом углу,
Поэтому просим, мы очень Вас, братья
Нам дайте на эту нужду.

Читальные клубы,
Дѣтскія собранія,
Ведутся повсюду,
Гдѣ цѣнят познанія.

Нам легче охотнѣй в читальнѣ учиться
Всему, что мы в книгах найдем;
Наука же эта вполнѣ пригодится;
С нею легче жить мы начнем.

О, взрослые братья, растем мы меж Вами
Но радости рѣдкій лишь час.
Вы заняты сильно своими дѣлами,
Сегодня же вспомните—н а с.

За ребят—*В. Пирусскій.*

К 10 ноября 1918 г.

ЧИСТЫЙ СБОР ОТ ИЗДАНІЯ ПОСТУПИТ НА УСТРОЙСТВО ДѢТСКОЙ БИБЛІОТЕКИ.

Типографія Томск. Губернскаго Земства